

Император Николай II. Его отречения от Престола не было.

История знает множество мифов. Эти мифы бывают, иногда настолько живучи, что их воспринимают как истину. Мифы эти, конечно, создаются конкретными людьми ради конкретных целей, но затем они начинают жить сами по себе, и бороться с ними бывает крайне нелегко. К числу таковых лживых мифов принадлежит утверждение, что 2-го марта 1917 года Император Николай II добровольно, или под нажимом обстоятельств, отрёкся от царского престола. Это утверждение воспринимается как аксиома с марта 1917 года. До последнего времени никто даже не пытался дать объективную оценку тому странному документу, который до сих пор служит единственным «доказательством» отречения Николая II. Давайте посмотрим, при каких обстоятельствах появился этот

странный документ и имел ли Император к нему какое-либо отношение.

Обстоятельства, при которых Император Николай Александрович подписал так называемое «отречение» от престола, до сих пор покрыты завесой тайны. До сих пор недоброжелатели Николая II, и даже многие ему сочувствующие, ставят в вину последнему Царю сам факт «отречения». Так, например, О. А. Платонов, открыто симпатизирующий Николаю II, пишет об «отречении»: *«Жертва Царя оказалась для России напрасной и, более того, гибельной, ибо само государство стало жертвой измены».*

До сих пор бытует и другая лживая версия происшедшего, суть которой выразил А. А. Блок, сказавший: *«отрекся, как будто эскадрон сдал».* Таким образом «отречение» вырывается из общего контекста всех предшествующих событий и превращается в личный почин «слабого» Царя. *«Все разговоры, – справедливо пишет А. Н. Боханов, – «правильно» или «неправильно» поступил Николай II, когда отрекался от престола, возможны лишь в том случае, если эту тему вырвать из конкретных исторических обстоятельств времени и места».*

Говоря о мартовских событиях 1917 года, следует сказать, что они стали заключительным этапом заговора, который созрел против Императора Николая II в недрах «Прогрессивного блока» Государственной Думы, определенных кругов высшего генералитета и представителей правящих кругов стран Антанты. Заговор этот стал результатом долгих лет противостояния русских общественных, либеральных и революционных сил с Царской властью.

Говоря об участии Запада в свержении монархии в России неправильно представлять его, как результат деятельности национальных правительств Англии, Франции и США. Хотя представители этих правительств и приняли живейшее участие в организации государственного переворота, они представляли в первую очередь не интересы своих стран, а интересы межнациональных финансовых групп. Руководящий центр этих финансовых групп находился в Соединённых Штатах Америки.

Главная резиденция этого центра находилась в Нью-Йорке на Бродвее 120, в 35-этажном небоскрёбе. Кстати, в строительстве этого небоскрёба принимал участие Вильям Шахт, отец будущего главного финансиста Адольфа Гитлера – Ялмара

Горация Шахта. На 35-м этаже располагался Клуб банкиров, где собирались Морган, Шифф, Барух, Лоёб и другие «киты» финансового мира Америки. В том же здании находились кабинеты и директоров Федеральной резервной системы США, руководителем которой был банкир Варбург, родственник Якова Шиффа. Кроме того, в небоскрёбе находился офис компании «Америкен Интернешнл Корпорейшен». Главным акционером этой компании был банк того же Шиффа «Кун и Лоёб». По адресу Бродвей-120 располагался офис Джона Мак-Грегора Гранта, который представлял в США петроградского банкира Д. Г. Рубинштейна. Военной разведкой США Грант был внесён в список подозрительных лиц. Грант в свою очередь был тесно связан с банком «Гран траст» банкира Моргана. Все эти организации приняли активное участие в Февральской, а потом и в большевистской революции.

В том же здании Бродвея постоянно бывали лица тесно связанные с будущими главарями революционных правительств. На Бродвее-120 находилась банковская контора Вениамина Свердлова, родного брата большевика Якова Свердлова. Обосновался в небоскрёбе и известный английский агент Сидней Рейли, главное связующее звено между Троцким, Свердловым и американскими финансовыми группами. Рейли находился в тесных дружеских отношениях с банкиром Абрамом Животовским, родным дядей Льва Троцкого. На Бродвее-120 вёл свой бизнес Александр Вайнштейн, тоже хороший знакомый Рейли. Брат Вайнштейна, Григорий Вайнштейн, был владельцем газеты «Новый мир». Интересен состав редколлегии этой газеты: Бухарин, Володарский, Чудновский, Урицкий, Коллонтай – все будущие руководители большевистского правительства.

Еще одним завсегдатаем клуба банкиров был Сидней Рейли резидент английского разведчика Вильяма Вайсмана. Именно через Рейли Вайсман вышел на серого кардинала американской политики полковника Хауса. Хаус задолго до Збигнева Бжезинского высказал мысль, что *«остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны»*. Вайсман стал передавать информацию, полученную от Хауса своим непосредственным начальникам в Лондон, минуя английского посла.

Вскоре в подготовку заговора против императора Николая II активно втянулись английские политические деятели. Прежде всего, это лорд Альфред Мильнер, премьер-министр Британии Д. Ллойд-Джордж и английский посол в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен. Мильнер поддерживал тесные связи Вайсманом, а значит и с американскими банкирами, обитателями Бродвея-120.

Что же объединяло таких разных людей, как английские лорды, американские финансисты, русские революционеры и английские разведчики? При внимательном изучении этих людей, выясняется, что они были причастным тайным обществом, члены которых зачастую находились друг с другом в кровном родстве.

В 1891 г. в Лондоне было создано тайное общество под названием «Круглый стол». Это общество стало одной из самых влиятельных сил в формировании и осуществлении британской имперской и внешней политики начала XX века. Среди членов-основателей общества были, например, Стед, лорд Эшер, лорд Альфред Мильнер, лорд Ротшильд, лорд Артур Бальфур и сэр Джордж Бьюкенен, будущий английский посол в России. Основной задачей группы было распространение британского господства на весь мир, а также введение английского в качестве всемирного языка, создание единого мирового правительства.

В 1904 году во главе «Круглого стола» встал Альфред Мильнер. Он учредил стипендию Родеса, которая давала возможность избранным студентам со всех континентов учиться в Оксфордском университете. Каждому из этих студентам в

самый восприимчивый период его жизни внушали мечту основателя – единое мировое правительство.

С «Круглым столом» был тесно связан полковник Мандель Хаус, он хорошо знал Мильнера. Сотрудничал с «Круглым столом» и Ллойд-Джордж. Впоследствии, во время Версальской конференции, ближайшими советниками Ллойд Джорджа были члены «Круглого стола». Через Ротшильда «Круглый стол» имеет связи в США с семьями Шифф, Варбург, Гуггенхайм, Рокфеллер и Карнеги. Шифф, Варбурги, Ашберг щедро финансировали кайзеровскую Германию в её подрывной деятельности направленной против России. Начиная с 1914 года, немцы субсидировали русскую революцию через международный банк Варбургов в Гамбурге. Этот банк обеспечивал деньгами революционеров в России через свои представительства в Швеции. На эти же деньги германские агенты организовывали забастовки и беспорядки в России в 1915 и 1916 годах. Кстати, главным врагом России в германском руководстве был канцлер Теобальд Бетман-Гольвег, находившийся в дальнем родстве с Яковом Шиффом. Именно, Бетман-Гольвег, не поставив в известность Вильгельма II, дал согласие германского правительства на проезд Ленина через Германию весной 1917 года. Таким образом, мы видим, что круг замкнулся: американские и английские участники заговора против Царя были объединены с немцами. Поэтому главной причиной участия западных сил в свержении императора Николая II были не национальные интересы тех или иных стран, а стремление наднациональной тайной организации установить в мире Новый мировой порядок.

Примечательно, что генерал глава французской военной миссии при царской Ставке Морис Жанен 7 апреля 1917 года записал в свой дневник, что Февральская революция *«руководилась англичанами и конкретно лордом Мильнером и сэром Бьюкененом»*.

В самой России организаторы переворота нашли серьёзную поддержку в лице представителей Думской оппозиции, тех самых представителей, которые в 1915 году входили в «Прогрессивный блок». Однако кроме них активную роль в захвате власти должен был сыграть адвокат Александр Фёдорович Керенский, тоже депутат Государственной Думы. Имя Керенского тогда не было тогда на слуху, как имена Гучкова или Миллюкова, но именно он, Керенский, должен был по планам Мильнера и Бьюкенена стать главной фигурой грядущего переворота. По сравнению с другими оппозиционерами, у Керенского было одно преимущество: он возглавлял масонскую ложу «Великий Восток Народов России».

16 декабря 1916 года Керенский занял должность Генерального секретаря ВВНР.

Интересно, что в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в Петрограде был зверски убит Г. Е. Распутин, чье убийство стало первым выстрелом революции. Убийство Григория Распутина занимало особое место в подготовке государственного переворота. Долгое время бытовали различные версии этого убийства. По одной из них Распутин был убит, монархистами, так как якобы компрометировал царскую династию, по другой – он был убит из-за того, что сильно влиял на Царя и мог убедить его заключить сепаратный мир с Германией. Следует признать, что ни одна из этих версий не имеет под собой никаких оснований.

Доподлинно установлено, что все рассказы о «похождениях» Распутина относятся, говоря сегодняшним языком, к чёрному пиару. Этот пиар

вокруг имени Распутина создавался исключительно для того, чтобы скомпрометировать Царскую Семью.[1]

К таким же легендам следует отнести и якобы безграничное влияние Распутина на Николая II. Беспристрастное исследование этого вопроса убедительно доказывает – Распутин не имел никакого влияния на политические решения императора. Но Распутин обладал даром молитвы, которая всегда приносила облегчение неизлечимо больному Наследнику Престола Алексею Николаевичу. Каждый раз Распутин облегчал у ребенка приступы гемофилии. В 1912 году, когда Цесаревич фактически умирал, врачи заявили, что они не могут вылечить Наследника. В это время Императрице пришла телеграмма от Распутина, в которой он успокаивал Царскую Чету и уверял, что ребёнок не умрёт. И действительно на следующее утро Наследнику стало легче. Эту способность Распутина к исцелению, признавали даже его враги. Поэтому убийство Распутина было призвано устранить от смертельно больного Наследника единственного человека, который мог его излечивать от тяжёлых приступов. Причины, по которым это устранение Распутина было необходимо организаторам заговора, мы рассмотрим чуть ниже. Здесь же отметим, что в убийстве Распутина была замешана английская разведка. Организатор этого убийства был, не князь Феликс Юсупов, а офицер Скотланд-Ярда Освальд Райнер. В декабре 1916 года Райнер находился в Петербурге и состоял в близкой дружбе с князем Феликсом Юсуповым, в роскошном дворце которого и был убит Распутин. По мнению ряда исследователей, именно Райнер выстрелил Распутину в голову и убил его.[2] Знал о грядущем убийстве и посол Бьюкенен. Об этом он писал сам в своих воспоминаниях: *«За неделю до убийства Распутина я слышал о предстоящем покушении на его жизнь»*.

Любопытно, что организаторы убийства Распутина были хорошо осведомлены и о предстоящем свержении Царя. Г. Е. Боткин приводит разговор своего отца, лейб-медика Е. С. Боткина, с офицером Генштаба капитаном Сухотиным, родным братом поручика С. М. Сухотина, одного из убийц Распутина: *«Сухотин, указывая пальцем на портрет Императора, стоявшего на бюро моего отца, сказал: « – Что я хочу знать, так это о том, о чем думает этот человек! Это он ответственен за все, что происходит! Что касается меня, то я успокоюсь только тогда, когда увижу Царя, ведомого народом, чтобы казнить на торговой площади!»*. *« – Вы считаете, что революция возможна? – спросил я его»*. *Сухотин злоежеско ухмыльнулся: «– Вы хотите, что бы я занялся предсказаниями? – спросил он»*. *Я сказал, что – да. «Ну, хорошо. Революция произойдет в феврале 1917 года, – ответил он»»*.

А теперь вернёмся к Керенскому. Летом 1917 года, уже будучи главой Временного правительства, он дал интервью одной русской газете. В этом интервью, Керенский отметил интересную деталь: *«Мы, – сказал он – уже в декабре 1916 года знали, что государь будет вынужден отречься в пользу Алексея. То, что царь передал престол Михаилу, было для нас неприемлемо»*.[3]

Таким образом, у организаторов заговора был план поэтапного уничтожения русской монархии. На первом этапе должна была произойти внешне легальная передача власти от отца (императора Николая II) к сыну (Цесаревичу Алексею). Больной и обречённый ребёнок на троне должен был прикрыть своей мантией режим ставленников «Круглого стола». А затем он мог умереть, и его смерть не вызвала бы никаких вопросов в обществе: все знали, что мальчик неизлечимо болен. Устранение Распутина лишало больного Наследника его главного целителя. Своим отречением в пользу великого князя Михаила Александровича Царь ломал заговорщикам всю игру.

Николай II был хорошо осведомлен о готовящемся против него заговоре. Но к этим сообщениям Николай II относился спокойно, никаких активных действий не предпринимал. Возникает вопрос, почему? Может быть, правы те, кто утверждает, что Николай II был убежденным фаталистом? Может быть, он просто покорился судьбе? Нет! Дело было не в фатализме, и не покорности судьбе. Император Николай II верил своей армии, верил своим генералам. Что значат любые заговоры оторванных от народа думских демагогов, полагал он, что значат их заграничные хозяева, когда одному батальону достаточно подавить любой заговор в течение 1 часа? Распускать Думу, проводить аресты накануне великого наступления – значит отдалять Победу. А выше Победы, главнее Победы для Царя не было ничего. Император Николай II не знал, что верхушка армии, тоже предала его. Начальник штаба генерал-адъютант М. В. Алексеев – с конца 1916 года находился в тесном контакте с Гучковым и дал свое согласие содействовать перевороту. Генерал-адъютант Н. В. Рузский – уже давно выполнял задания Гучкова. Генерал Крымов – активный сторонник заговора. Генерал-адъютант А. А. Брусилов, герой наступления 1916 года, на стороне заговорщиков. Контр-адмирал А. В. Колчак, тот самый Колчак, который стал самым молодым адмиралом русского флота благодаря воле Императора, которому Николай II поручил планирование важнейшей Босфорской операции – знал о заговоре и сочувствовал ему. К февралю 1917 года верхушка армии была уже против Царя. Приказы Императора молча саботировались высшим генералитетом. Так, Николай II приказал перевести в Петроград с фронта Гвардейский Экипаж. Но этот приказ был саботирован генералом Гурко, который отдал контрприказ и оставил Экипаж на фронте. Император Николай II вторично отдал приказ о переводе Гвардейского Экипажа в Петроград, и Гурко вторично, под предлогом карантина, задержал его неподалеку от Царского Села. Только после третьего приказа Императора Гвардейский Экипаж прибыл в Царское Село. То же самое произошло и с Уланами Его Величества.

Царь не мог допустить, что генералы смогут поддержать мятежников, которые не только собирались отстранить Царя от престола, но и покушались на его жизнь. Как верно писал И. Л. Солоневич: *«Это предательство военных можно было бы поставить в укор Государю Императору: зачем Он не предусмотрел? С совершенно такой же степенью логичности можно было бы поставить в упрек Цезарю: зачем он не предусмотрел Брута с его кинжалом?»*.

В тот день, когда тело Распутина доставали из Невы, царский поезд остановился на перроне Императорского железнодорожного павильона в Царском Селе. Здесь, в Царском Селе, Государь собирался остаться надолго, вплоть до весеннего наступления на фронте, и всю свою деятельность сосредоточил на организацию подавления заговора. Император удалил из правительства целый ряд министров, которые были связаны с думской оппозицией. *«Государь взял на Себя руководство общим положением, – пишет С. С. Ольденбург, – Прежде всего, необходимо было составить правительство из людей, которым Государь считал возможным лично доверять. Опасность была реальной. Убийство Распутина показало, что от мятежных толков начинают переходить к действиям. Оценка людей, поневоле становилась иной. Люди энергичные и талантливые могли оказаться не на месте, могли принести вред, если бы они оказались ненадежными»*.

В правительство пришли люди правого толка и, как полагал Государь, ему лично преданные: председатель Совета Министров князь Н. Д. Голицын, министр юстиции Н. А. Добровицкий, военный министр генерал М. А. Беляев, народного просвещения сенатор Н. К. Кульчицкий, внутренних дел А. Д. Протопопов и другие.

Большая доля ответственности за нерешительность и дезинформацию Государя лежит на министре внутренних дел А. Д. Протопопове.

27 января 1917 года начальник петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев докладывал Протопопову, что Гучков и Коновалов готовят государственный переворот. При этом Глобачеву был известен состав предполагаемого мятежного правительства, который, за исключением Керенского, полностью совпал с будущим составом Временного правительства. Глобачев докладывал, что авангардом гучковского заговора является так называемая рабочая группа военно-промышленного комитета Государственной Думы, которая ведет подрывную работу среди рабочих и напрямую призывает к мятежам. Глобачев настаивал на том, что следует немедленно арестовать Гучкова, Коновалова и представителей рабочей группы. Но Протопопов, не хотевший портить отношения с Государственной Думой, дал приказ арестовать только членов рабочей группы. Совершенные при их аресте обыски, явно доказывали связь этой группы с Гучковым. Протопопов громкогласно объявлял на каждом шагу, что он раздавил революцию, то же самое он сообщил Государю. Между тем головка заговора, Гучков и его сторонники, не были арестованы. Протопопов уверял Царя, что этого делать не надо, так как опасность миновала, а аресты видных думских деятелей только осложнят отношения власти Думы.

8 февраля 1917 года Император Николай II поручает Н. А. Маклакову подготовить проект указа о роспуске Государственной Думы. Царь оставил главе правительства князю Голицыну приготовленные указы Сенату о роспуске Государственной Думы. В них только не была проставлена дата.

Император твердо вел народ и армию к победе, он был преисполнен верой в победу и был убежден, что и его генералы преисполнены подобной же верой. Но на самом деле, высший генералитет был преисполнен политических амбиций. Это полностью устраивало заговорщиков, которые стремились к совершенно другой победе, нежели Николай II. При этом они хорошо понимали, что победа Царя на фронте приведет к поражению их заговора. О том, что заговорщики торопились с переворотом и понимали, что успешные действия на фронте сделают его невозможным, говорят их собственные высказывания. Милюков говорил, что новые успехи на фронте *«сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство»*, Терещенко и генерал Крымов всячески торопили с переворотом, говоря, что иначе будет поздно. Первым, что было необходимо сделать заговорщикам, это выманить Царя из столицы, так как в противном случае никакая революция бы не удалась.

Колоссальную помощь заговорщикам оказал начальник Штаба генерал-адъютант М. В. Алексеев. Алексеев, который находился в это время на излечении в Крыму, внезапно 18 февраля 1917 года вернулся в Могилев. Не успел он приехать в Могилев, как немедленно направил Императору телеграмму с просьбой срочно прибыть в Ставку. Какая была необходимость для Николая II ехать в Ставку? Никакого наступления в ближайшие дни не планировалось, обстановка была спокойной. Сейчас трудно сказать, чем мотивировал Алексеев необходимость для Государя в срочном возвращении в Ставку, но можно с уверенностью сказать, что эта мотивировка была убедительной, так как Николай II, осознавая всю необходимость в своем личном присутствии в столице, принял неожиданное решение ехать в Могилев. *«Из имеющихся источников, – пишет Г. М. Катков, – неясно, почему Алексеев настаивал на личном присутствии Верховного Главнокомандующего. Баронесса Буксгевден, в то время фрейлина Императрицы, в своих мемуарах совершенно определенно говорит, что Государь выехал по телеграфной просьбе генерала Алексева, не зная, в чем именно заключается спешное дело, требующее его присутствия (...) В свете последующих событий отъезд Императора в Могилев, предпринятый по настоянию Алексева, представляется фактом, имевшим величайшее бедствие»*.

На срочный отъезд Царя в Ставку повлияли два человека – генералы Алексеев и Гурко, то есть фактически два главнокомандующих. Чем они мотивировали необходимость такого скорого отъезда до сих пор остается загадкой, но, то, что этот отъезд был частью какого-то большого общего плана, не представляет сомнений. Здесь хочется привести слова генерала Н. И. Иванова об Алексееве: *«Алексеев – человек с малой волей, и величайшее его преступление перед Россией – его участие в совершенном перевороте. Откажись Алексеев осуществлять планы Государственной Думы Родзянко, Гучкова и других, я глубоко убежден, что побороть революцию было бы можно, тем более, что войска на фронте стояли спокойно и никаких*

брожений не было. Да и главнокомандующие не могли бы и не решились бы согласиться с Думой без Алексеева».

Император уезжал в Ставку ненадолго и собирался вскоре вернуться. А. А. Блок писал, что он собирался вернуться к 1 марта. Как мы знаем, этим планам Государя не суждено было сбыться. Он прибыл в Царское Село только 9-го марта 1917 года лишённым престола, арестованным и под конвоем.

Обстоятельства пребывания Государя в Ставке, его отъезда в Царское Село, остановки в Пскове и так называемого «отречения» казалось бы, хорошо изучены. Десятки людей оставили об этом свои воспоминания, имеются дневниковые записи самого Государя. Однако при детальном исследовании событий происшедших вокруг Императора Николая II в период с 22-го февраля по 9-е марта выясняется, что они покрыты плотной завесой тайны. Более того, выясняется, что в течение десятилетий мы имели представление об «отречении» Государя, основываясь на заведомо ложной версии предателей и заговорщиков.

Сегодня, более-менее точно мы можем утверждать следующее.

22 февраля 1917 года Император Николай II простился с Императрицей Александрой Федоровной и отправился в Ставку. По существу он ехал в западню, расставленную ему его генерал-адъютантами.

23 февраля 1917 года Государь прибыл в Могилёв и началась обычная жизнь Ставки. Тем временем, в Петрограде во всю уже шли беспорядки. Об этих беспорядках Царь узнал 24 февраля из разговора по прямому проводу с Императрицей.

Николай II вначале не придавал большого значения петроградским событиям, полагая их незначительными и неорганизованными. За все первые дни событий Государь не получил ни одной официальной телеграммы о масштабах происходящего. 25 февраля в Петрограде пролилась первая кровь: на Знаменской площади был убит полицейский поручик Крылов, пытавшийся вырвать флаг у демонстранта, казаки отказывались разгонять мятежную толпу, провокаторы кидали бомбы в мирных людей и кричали, что это дело рук полиции, уже были выброшены лозунги «Долой Самодержавие!», а Государь обо всем этом ничего не знал. Постепенно, однако, Царя начинают волновать происходящие в столице события. 25 февраля, вечером он посылает командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову телеграмму: *«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАЙ».* Генерал Хабалов, то ли из-за растерянности, то ли из-за того, что боялся вверенных ему частей, то ли по каким-то другим причинам не

предпринял ничего, чтобы исполнить недвусмысленный приказ Царя. Как говорил сам Хабалов *«Эта телеграмма, как бы вам сказать? – быть откровенным и правдивым: она меня хватилла обухом... Как прекратить «завтра же»...»*.

26 февраля, в воскресенье, в Петрограде наступило затишье, и Хабалов отправил Царю телеграмму, что беспорядки прекратились. Но не успела эта телеграмма дойти до адресата, как они возобновились с новой силой. Между тем, как Царь получил известие, что в городе все спокойно. Одновременно, до Царя дошли сведения, что «забастовкой пекарей», как поначалу воспринимались события в Петрограде, воспользовалась Государственная Дума и ее председатель Родзянко, которые, как писал Воейков, «открыто вынесла свою революционную деятельность из стен Таврического дворца». 26 февраля в камер-фурьерскому журнале появляется запись: *«26.02. 1917, воскресенье. Сего числа в «Собрании указаний и распоряжений Правительства» был опубликован Высочайший указ «О роспуске Государственной Думы и Совета с назначением срока их созыва не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». Совет Старейшин Государственной Думы постановил не расходиться и всем оставаться на своих местах»*.^[4]

Налицо был уже не просто бунт толпы, но государственный переворот. Между тем, до Царя доходили совершенно иные сведения. Министр внутренних дел Протопопов продолжал дезинформацию Николая II. В. Н. Воейков пишет: *«На следующий день, (т.е. 25 февраля – П.М.) в субботу, я получил от А. Д. Протопопова телеграмму с извещением, что в городе беспорядки, но все клонится к их подавлению»*. В тот же день генерал А. И. Спиридович, находившийся в Царском Селе, отправил Воейкову полученные сведения из департамента полиции: *«Ничего грозного во всем происходящем усмотреть нельзя; департамент полиции прекрасно обо всем осведомлен, а потому не нужно сомневаться, что выступление это будет ликвидировано в самое ближайшее время»*.^[5]

Думается, что деятельность Родзянко, по умалчиванию событий, и телеграммы Протопопова, их искажающие, имели под собой одну цель – ввести Государя в заблуждение, с целью его дезориентировать и дать возможность революционному процессу принять такие широкие масштабы, которые позволили бы Государственной Думе начать шантаж Царя с требованием Ответственного министерства. Во всяком случае, таковы были планы Родзянко. Что же касается Гучкова, Милюкова, с одной стороны, и Керенского и Чхеидзе с другой, то те преследовали свои, хотя и разные, но далеко идущие цели.

Государь, не имея достоверных сведений о ситуации в столице, с болью в сердце ощущал надвигающуюся на Россию опасность.

Родзянко начал забрасывать Ставку своими тревожными телеграммами лишь 27 февраля, и в этих телеграммах уже слышится шантаж. Телеграммы он почему-то посылал на имя командующего Северным фронтом генерала Рузского. *«Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения»*.

Ясно, что это «доверенное лицо» должен был быть либо сам Родзянко, либо князь Г. Е. Львов. Тот же самый шантаж и в телеграмме, посланной в Могилев: *«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся*

доверием, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы этот час ответственности не пал на Венценосца». (К слову сказать, Родзянко, в глазах Царя, слал свои телеграммы будучи бунтовщиком, отказавшимся исполнить Высочайшую волю, а не уже председателем Государственной Думы, которая была к тому времени распущенной. (Государь не ответил ему на телеграмму).

Телеграммы Родзянко кричали о революции и об угрозе династии. Естественно, что Николай II не верил Родзянко, а верил генералу Алексееву. Главной целью думских и военных организаторов переворота был шантаж Императора (угрожая массовыми беспорядками заставить его передать власть думскому правительству). Но Николай II на шантаж не поддавался. Родзянко через перепуганного князя Голицына, последнего председателя Императорского правительства, пытается выбить у Царя назначение «независимого» главы правительства. В ответ Николай II телеграфирует князю Голицыну: *«О главном начальнике для Петрограда мной дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Перемены в личном составе при данных обстоятельствах считаю недопустимыми. НИКОЛАЙ».*

Одновременно Император принял решение вернуться в Царское Село, так как почувствовал ненадежность генералитета. Заговорщики прекрасно понимали, что если Царь вернется в Петроград, революция будет подавлена.

Видя, что Алексеев прибывает в пассивном и странном бездействии, Император Николай II начинает организовывать подавление мятежа. 27 февраля в 10 часов 25 минут вечера генерал Алексеев отправил телеграмму генералу Данилову: *«Государь Император повелел генерал-адъютанта Иванова назначить Главнокомандующим Петроградским Военным округом; в его распоряжение, возможно скорее, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка по возможности из находящейся в резерве 15-й кавалерийской дивизии, два пехотных полка из самых прочных и надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который едет из Ставки».*

Как видим Николай II, посылая генерала Н. И. Иванова, прекрасно оценивал сложившуюся обстановку и хорошо осознавал ее опасность. Генерал Иванов получил широчайшие полномочия, ему, до прибытия Государя, были обязаны подчиняться все министры правительства.

Но Император понимал, что решающим этапом в водворении порядка станет его личное присутствие в столице. Этим объясняется его решение принятое 27 февраля выехать в Петроград. Генерал-адъютант Алексеев пытался уговорить Царя не покидать Ставку, но тот остался верен своему решению. 27 февраля Император объявил В. Н. Воейкову, что уезжает и приказал сделать все распоряжения для отъезда.

В 2 часа 10 минут ночи Николай II принял в своем поезде генерала Иванова и дал ему последние указания. *«Генерал Иванов вошел в вагон вместе с Государем и оставался долго у Его Величества»*, – вспоминал Мордвинов. *«До свидания, – сказал на прощание Царь Иванову. – Вероятно, в Царском Селе, завтра увидимся».*

В 5 часов утра 28 февраля царский поезд вышел из Могилева в Царское Село. *«Императорские поезда ушли, – писал Спиридович. – На путях станции Могилев спокойно оставались вагоны с генерал-адъютантом Ивановым и с его отрядом Георгиевского батальона. Этот поезд двинулся по назначению лишь в час дня 28 февраля, через семнадцать часов после того, как государь отдал свое распоряжение. Ставка не торопилась».*

Таким образом, Император Николай II был оставлен в пути своей Ставкой фактически безо всякой охраны.

Покинув Могилев, Император Николай II двинулся на Петроград двумя литерными поездами «А» и «Б». Эти поезда двигались вслед поездам с воинскими частями генерала Иванова и частями Северного и Западного фронтов снятых для наведения порядка в Петрограде. Чтобы не мешать продвижению воинских эшелонов, царские поезда были вынуждены идти не прямой дорогой на Петроград, а окружным путем через Смоленск, Вязьму, Лихославль, к Николаевской железной дороге, а оттуда через Тосно на Царское Село. Движение царского поезда не вызывало никаких трудностей. На ближайшей станции, ехавшие на фронт солдаты встречали Государя громким «ура!». В каждом губернском городе, Император принимал губернаторов, которые докладывали ему обстановку в Петрограде. Таким образом, Царь был прекрасно осведомлен о том, что происходит в столице. Когда, на следующий день в Пскове, Николай II разговаривал с Рузским, то удивил последнего знанием положения в столице.

Таким образом, поезд беспрепятственно шел на Царское Село. Известие о приближающемся царском поезде, вызвало в среде бунтовщиков настоящую панику. Страх перед «безвольным и ненавистным» Царем настолько обуял «друзей народа», что они просто потеряли голову. Один из самых трусливых и омерзительных типов революции С. Мстиславский признавался позднее: *«Можно сказать с уверенностью: если бы в ночь с 27-го на 28-е противник мог бы подойти к Таврическому дворцу даже незначительными, но сохранившими строй и дисциплину, силами, он взял бы Таврический с удара – наверняка, защищаться нам было нечем. Правительство не смогло, однако, этого сделать: оно было дезорганизовано».*

Государь почувствовал именно непопулярность ближайшего военного окружения. Но здесь встает вопрос: почему Николай II отдал приказ со станции Дно повернуть на Псков? Утверждения, что, дескать, Царь поверил ложной информации, что дорога перекрыта восставшими войсками не выдерживают критики. Из различных источников мы знаем, что Государь был очень хорошо осведомлен о реальных событиях. Не очень убедительно, что в Пскове Николай II предполагал опереться на фронтового генерала Н. В. Рузского. Как утверждал сам Рузский, Государь ему давно не доверял. Что же произошло на станции Дно такого, что Николай II вместо того, чтобы прорываться в Петроград отправился в Псков? Эта первая загадка событий «отречения», но далеко не последняя.

Оказавшись в Пскове, Государь окончательно оказался в западне расставленной ему его генералами. Рузский был активным и давним тайным пособником заговорщиков. Но кроме Рузского, большая часть людей окружавших Государя, были в той или иной степени на стороне заговора. Д. С. Боткин, брат расстрелянного с Царской Семьей в Екатеринбурге лейб-медика Царской Семьи, писал в 1925 году: *«Революция началась задолго до того дня, когда А. И. Гучков и Шульгин добивались в Пскове отречения Государя. Как теперь установлено, Государь фактически был узником заговорщиков еще до подписания отречения. Когда Царский поезд остановился на станции Псков, Государь уже не был его хозяином. Он не мог направлять свой поезд согласно его желанию и*

усмотрению, и самая остановка в Пскове не была им намечена. Генерал Радко-Дмитриев говорил впоследствии, что если бы Государь, вместо того, чтобы ожидать в своем вагоне думских делегатов из Петербурга, сошёл бы на станции Псков и поехал в автомобиле по направлению расположений войск вверенной ему армии, события приняли бы совсем иной оборот. Несомненно, что прием Государем г.г. Гучкова и Шульгина в штабе Радко-Дмитриева носил бы иной характер и имел бы совершенно иные последствия; но остается под вопросом: мог ли Государь осуществить свой отъезд на автомобиле со станции Псков? Мы не должны забывать, что вся поездная прислуга, вплоть до последнего механика на Царском поезде, была причастна к революции».

В этих условиях, единственным кто продолжал сопротивляться и отстаивать монархию был сам Николай II. В 1927 году вышла цитируемая нами книга «Отречение Николая II» со вступительной статьей М. Кольцова. Кольцов был тогда в стане победителей, тех, кто истреблял Романовых «как класс», кто всячески клеветал и унижал память последнего Царя. Тем более для нас интересен тот неожиданный вывод Кольцова, когда он пишет о Николае II: «Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека – самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили».

В результате этого заговора Император Николай Александрович оказался в полной изоляции. Он был окружен либо врагами, либо теми, кто не был в состоянии, по разным причинам. Предпринять какие-либо действия в защиту Государя. В этих условиях от Царя первоначально требовали «ответственного» министерства. Само по себе это требование было далеко не новым: его уже выдвигала думская оппозиция в 1915, 1916 годах. Но в феврале 1917 года это требование получило новое дополнение: после его принятия Царь, по мысли заговорщиков, должен был отречься от престола. То есть, таким образом, Император должен был освятить новую масонскую власть. Николай II на это не пошел, так как отлично понимал, в чьи руки будет передана судьба России. Уже под арестом в Царском Селе, он сказал Юлии Ден, указывая на министров Временного правительства: «Вы только взгляните, Лили. Посмотрите на эти лица... Это же настоящие уголовники. А между тем от меня требовали одобрить такой состав кабинета и даровать конституцию».

Царь единственный, из представителей высшей власти, кто отказался поддерживать власть разрушителей русской государственности. Все остальные: верхи армии, общества, буржуазии и даже Церкви выразили полную лояльность к февральским преступникам. В этом отказе есть великий духовный подвиг Государя перед Богом и Россией.

Император Николай II был поставлен мятежниками в такое положение, когда ему приходилось думать, прежде всего, о спасении России и самодержавной монархии. Все события «отречения» – это поединок Царя и «февралистов» 1917 года. Царь до последнего момента надеялся отстаивать свои священные права, а значит отстаивать законную власть. Он надеялся получить в этом поддержку от окружающих его людей, он ждал от них исполнения их долга верноподданных. Но тщетно. Кругом царили «измена, и трусость, и обман». «Подавить открыто революцию Николай II уже не мог, – пишет Г. З. Иоффе. – В Пскове он был «крепко» зажат своими генерал-адъютантами. Прямое противодействие им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных изменников Рузский, было практически не возможно. В белоэмигрантской среде можно найти утверждение, что если бы

Николай II, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части верные царской власти. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что связь осуществлялась через штаб генерала Рузского. В соответствии с показаниями А. И. Гучкова, Рузский прямо заявил Николаю II, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет». Именно в этих условиях происходят события ночи с 1-го на 2-е марта, в результате которого появился так называемый «манифест об отречении».

На листке бумаги, обыкновенной печатной машинкой пишется странный текст, который начинается словами: «Ставка. Начальнику Штаба». Уже в 20-е годы игумен Серафим Кузнецов писал: «Невольно закрадывается в душу сомнение: «А действительно ли подписан Государем акт отречения?» Это сомнение можно выгнать из тайников душевных только тогда, когда беспристрастная экспертиза докажет, что акт отречения действительно подписан Императором Николаем II. Такие первостепенной важности акты совершаются не при двух-трех свидетелях, а при составе представителей всех сословий и учреждений. Не было также подтверждено Государем кому-либо при жизни, что им подписан акт отречения от и никто к нему допущен не был из лиц нейтральной стороны и даже из числа иностранных представителей, при которых бы Государь подтвердил акт своего отречения, и что он сделан не под угрозой насилия, а добровольно».

М. Сафонов в своей интереснейшей статье «Гибель богов» хорошо показывает те вопиющие разногласия в тексте документа с иными источниками, которые выявились в ходе его исследования. Так, совершенно не понятно, почему так называемый «манифест об отречении» не имеет обязательной для такого документа шапки: «Божьей поспешествующей Милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский...» и так далее. То есть из документа «Начальнику Штаба» не понятно к кому конкретно обращается Император. Более того, этот документ совершенно не характерен для телеграмм Николая II. «Николай II, – пишет Сафонов, – по-иному оформлял свои телеграммы. Это хорошо видно из собственноручно написанных им между 15 и 16 часами 2 марта телеграмм Родзянко и Алексееву. Вначале он указывал, кому адресована телеграмма, потом – куда она направляется. Например, как это отчетливо видно на факсимиле: «Председателю Гос. Думы. Птгр», то есть «Петрограда». Соответственно телеграмма Алексееву выглядела так: «Наштаверх. Ставка». «Наштаверх» – это означало «начальнику штаба верховного главнокомандующего». Поэтому слова: «Ставка. Начальнику штаба», который мы видим на фотокопиях, были написаны людьми недостаточно компетентными, ибо просто «начальнику штаба» царь никогда бы не написал. Далее безграмотно поставлена дата телеграммы. Действительно, телеграммы, которые отсылал Данилов из штаба Северного фронта, заканчивались так: «Псков. Число, месяц. Час. Минута». Потом обязательно следовал номер телеграммы. Потом следовала подпись. Нетрудно заметить, что на фотокопиях нет номера телеграммы, который обязательно должен был здесь находиться, если бы она действительно была подготовлена к отправке. Да и сама дата выглядит несколько странно: «2-го Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.». Как правило, год в телеграммах не обозначался, а если обозначался, то цифры должны были следовать после написания месяца, например, «2 марта 1917 г.», а отнюдь не после указания точного времени».

М. Сафонов считает, что текст «отречения» был вписан на бланк царской телеграммы, с уже имевшейся подписью Царя и министра Двора графа Фредерикса. О каком же «историческом документе» может тогда идти речь? И что было сказано в подлинном тексте манифеста, который Император Николай II передал в двух экземплярах Гучкову и Шульгину, о чем имеется запись в дневнике Царя, если

только, конечно, и дневник не подвергся фальсификации? «Если «составители» Акта отречения так свободно манипулировали его формой, – вопрошает Сафонов, – не отнеслись ли они с той же свободой к самому тексту, который Николай II передал им? Другими словами, не внесли ли Шульгин и Гучков в текст Николая II принципиальных изменений?».

Самым интересным исследованием так называемого «манифеста об отречении» Николая II стало исследование А. Б. Разумова. **Это исследование убедительно и достоверно доказало, что так называемый «манифест об отречении» Императора Николая II не более, чем искусная фальшивка.** Разумов пишет: *«Поглядим внимательно на эту бумагу. Неспешный ее анализ поведает пытливому человеку многое. К примеру, всем исследователям бросается в глаза то, что подпись Государя сделана карандашом. Удивлённые историки пишут, что за 23 года правления то был единственный раз, когда Государь поставил на официальном документе карандашную подпись».*

Кроме того, на бумаге отсутствует личная печать Николая II, а сама бумага не завизирована Правительствующим Сенатом, без чего никакой царский манифест не имел юридической силы.

Немало путаницы возникает при выяснении вопроса о том, как выглядела та самая бумага, которую подписал Государь. Так, В. В. Шульгин пишет о том, что текст отречения был написан на телеграфных «четвертушках». *«Это были две или три четвертушки, – пишет он, – такие, какие, очевидно, употреблялись в Ставке для телеграфных бланков».*

А. Разумов справедливо задается вопросом: *«Сообщение Шульгина весьма любопытно, но вызывает ряд вопросов. К примеру, сразу возникает вопрос: как же подписывал Государь этот удивительный подлинник из нескольких телеграфных четвертушек – каждый листок в отдельности, или поставил одну общую подпись в конце? Каким образом разместилась информация на этих четвертушках?».*

Но самое поразительное, что бумага «начальнику штаба» не представляет собой никаких «четвертушек»! Это цельный лист бумаги с напечатанным текстом. К слову сказать, такие судьбоносные документы, тем более составленные в таких условиях, обычно писались лично, чтобы не было сомнений в их подлинности. В случаях же «отречений» Императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича, мы имеем дело с документами, написанными не их рукой. Текст отречения Государя напечатан на машинке, а текст «отречения» Великого Князя написан заговорщиком и будущим министром Временного правительства масоном Набоковым.

А. Разумов сравнил подписи Царя на экземплярах «манифеста» и установил, что они идентичны и скопированы с подписи Николая II под приказом о принятии им верховного командования в 1915 году.

Любопытно и следующее. В своем дневнике, Николай II пишет, что передал два экземпляра какого-то манифеста. Но сегодня существует, по меньшей мере, 3 экземпляра «манифеста»! И все, как нас утверждают подлинники! Причем третий «подлинник» опубликованный впервые в США «февралистом» Ю. В. Ломоносовым, имеет явно подделанную подпись Государя, которая полностью отличается от двух других «подлинников». Наконец, еще один потрясающий факт. Как известно, по утвердившейся версии Государь отрекся 2-го марта 1917 года. Но уже 1-го марта в ряде газет был опубликован текст «отречения»

оформленный именно как манифест!

А. Разумов убедительно доказывает, что текст «отречения» является фальшивкой. Он составлен генералами Алексеевым и Лукомским при помощи Н. А. Базили, заведующего канцелярии Ставки.

Но встает вопрос: если «манифест» Государя является фальшивкой, то почему он не дезавуировал его, когда приехал в Ставку после псковских событий? Почему он написал в своем дневнике, что передал манифест об отречении Алексею?

Это является величайшей тайной, с которой началось беззаконие 1917 года. Но мы все-таки попробуем поднять занавес над теми страшными событиями.

Уже после «отречения» Государь в беседе с А. А. Вырубовой сказал, что события 2-го марта **«меня так взволновали, что все последующие дни я не мог даже вести своего дневника»**. (выделено нами – П. М.)

Возникает вопрос: если Государь в период мартовских событий 1917 года не вел своих дневников, то кто же тогда это делал за него? Здесь вновь возникает проблема подделок царских дневников, осуществленных бандой академика Покровского. По своему исследовательскому опыту могу сказать, что в дневниках Государя, хранящихся в ГА РФ есть очень много мест, в которых имеются потертости и исправления. Характер этих потертостей и исправлений должны выяснить официальная графологическая экспертиза. В самой возможности подделки царских дневников нет ничего невозможного. Примечательно, что Покровский 27 июля 1918 года писал в Берн своей жене, работавшей в советском полпредстве: *««Интересная работа», о которой упоминалось вчера – разбор бумаг расстрелянного Николая. Самое трагическое, м.б., то, что об этом расстреле никто даже и не говорит; почти буквально «как собаку убили». Жестока богиня Немезида! То, что я успел прочесть, дневники за время революции, интересно выше всякой меры и жестоко обличают не Николая (этот человек умел молчать!), а Керенского. Если бы нужно было моральное оправдание Октябрьской революции, достаточно было бы это напечатать, что, впрочем, и будет сделано не сегодня-завтра»*. [6]

О чем таком «умел молчать» Государь и что он отразил в своих дневниках такого, что, по мнению Покровского, могло бы жестоко обличить Керенского и оправдать Октябрьскую революцию? Из текста имеющихся дневников это не понятно. И объяснение может быть только одним: в подлинных дневниках Государя было написано нечто такое, что разоблачало февральских заговорщиков и доказывало их полную нелегитимность. **Это могли быть только сведения о том, что никакого манифеста об отречении Государь не подписывал.**

Это в свою очередь делало нелегитимным не только режим Керенского, но и режим большевиков, так главный довод, которыми как те, так и другие оправдывали свое существование, было утверждение, что Царь «сам отрёкся». Кстати, этот довод и сегодня является главным аргументом врагов российской Монархии.

Что же касается вопроса почему Государь никому не рассказал о событиях, случившихся в Пскове, то ответ на него может быть только один. В своих воспоминаниях полковник В. М. Пронин вспоминал приезд Государя в Ставку после «отречения»: *«Вагоны тихо проходят мимо меня; я стою «мирно» и держу руку у козырька... Ветер качает вверху фонарь, и на вагонах играют гигантские причудливые блики... Поезд тихо остановился... Я оказался против второй площадки царского вагона. Глядя на вагон, в трех шагах от меня находившийся, я был поражен большим на нем количеством каких-то царапин и изъязнов. Покраска местами как бы потрескалась и большими слоями поотваливалась – «будто следы от попавших в него мелких осколков снарядов», – мелькнула мысль»*.

Очень интересная деталь! Что произошло с царским вагоном за то время, как произошли события «отречения»? Кто и зачем обстреливал вагон Императора? Мы уверены, что это напрямую связано с тем, почему Государь ничего не рассказал ни в Могилёве, ни позже в заточении о том, что произошло в Пскове 1-2 марта 1917 года. Ответ на этот вопрос может быть только один: **Государя шантажировали. Причём это был очень страшный шантаж.** Чем же могли заговорщики шантажировать Государя? Первый ответ, который напрашивается это жизнью Царской Семьи. Когда Анна Вырубова спросила Государя уже во время Царскосельского заточения, почему он не обратился с воззванием к народу и к армии, то Николай II, со слов Вырубовой, ответил: *«Народ сознавал свое бессилие, а ведь тем временем могли бы умертвить мою семью».*

Однако мы знаем, что Государь и раньше, и позже событий марта 1917 года ставил свою безопасность и безопасность своей Семьи на второе место после интересов Отечества. В 1906 году, когда жизни его Семьи угрожала непосредственная опасность, Государь отказался отправлять Своих близких за границу, как это сделали некоторые великие князья, посчитав это недостойным русского Царя. Совершенно ясно, что если бы Николай II ставил жизнь своей Семьи на первое место, то он смог бы без особого труда добиться отправки ее за границу уже в марте 1917 года. И уж конечно в 1918 году, когда немцы напрямую предлагали ему такой вариант. Мы знаем, что Николай II не пошёл на это.

Нет, в марте 1917 года Государя шантажировали чем-то более важным, чем даже жизнь горячо любимой Семьи. Сейчас, конечно, трудно гадать, в чём заключался этот шантаж, но можно сказать однозначно, что **речь шла о будущем России и победе в Мировой войне.**

Таким образом, совершенно понятно, что ни с юридической, ни с моральной, ни с религиозной точки зрения никакого отречения от престола со стороны Царя не было.

События в феврале-марте 1917 года были ничем иным, как свержением Императора Николая II с прародительского престола; незаконное, совершенное преступным путем, против воли и желания Самодержца, лишение его власти. *«Мир не слышал ничего подобного этому правонарушению. Ничего иного после этого, кроме большевизма, не могло и не должно было быть».*

2-го (15) марта 1917 года в Пскове произошла чудовищная и немеющая примеров в истории измена, измена верхушки русского общества и генералитета своему Царю, Верховному Главнокомандующему в условиях страшной войны, в канун судьбоносного наступления русской армии.

Таким образом, насильственное разрешение создавшегося положения, в условиях изоляции в Пскове, для Царя было невозможно. А. Н. Боханов пишет: *«Фактически Царя свергли. Монарх делал этот судьбоносный выбор в условиях, когда выбора-то по существу, у него не было. Пистолет был нацелен, и на мушке была не только его жизнь (это его занимало мало), но и будущее страны. Ну а если бы не отрекся, проявил «твердость», тогда все могло бы быть по-другому? Не могло. Теперь это можно констатировать со всей определенностью».*

Утром 9-го марта 1917 года царский поезд в последний раз доставил Государя в Царское Село. Император в поезде простился с членами свиты. После остановки состава, многие члены свиты поспешно покинули его, стремясь как можно быстрее оставить свергнутого Монарха, пребывание возле которого становилась небезопасным для их благополучия. Государь, в черкеске 6-го Кубанского Казачьего батальона с орденом св. Георгия на груди, молча, вышел из вагона и поспешно сел в автомобиль в сопровождении князя В. А. Долгорукова. Через некоторое время, автомобиль с Государем и сопровождавший его конвой, остановились перед воротами Александровского дворца. Ворота были заперты. Часовые не пропускали

царский автомобиль. Через несколько минут к воротам вышел какой-то прапорщик и громким голосом произнес: «Открыть ворота бывшему Царю!». Часовые раскрыли ворота, автомобиль въехал и ворота захлопнулись. Царствование Императора Николая II кончилось – начался Крестный Путь Царя-Мученика.

Петр Мультатули. 01.10.2008.

[1] Roullier Alain. *Raspoutine est innocent*. Paris, 1998. p. 516.

[2] Шишкин Олег. *Распутин. История преступления.*, Издательство «Эксмо», М., 2004

[3] Николаев А. Б. А. Ф. *Керенский о Февральской революции* //ж. Клио. СПб. 2004 № 3 (26). С. 108-116.

[4] РГИА, ф. 516, о.1 /241/ 2890), д. 9

[5] Воейков В.Н., указ., соч., с. 124.

[6] РГАСПИ. Ф. 147. Оп.1, д. 49.

© 2008, Екатеринбургская Инициатива

Фотографии из альбомов А. А. Танеевой-Вырубовой библиотеки Йельского университета Америки.